

Андрей Щепин

Спасибо, что ушла

Андрей Щепин

Спасибо, что ушла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22074403

ISBN 9785448343315

Аннотация

Люди рано или поздно исчезают из нашей жизни по разным причинам. Мы можем радоваться расставанию или горевать. Но больше всего нас надламывают те редкие случаи, когда близкий человек идет на разрыв без видимых на то причин. С этим смириться не всегда по силам. Эта книга не о любви. Она – о поиске понимания странных поступков окружающих, и том, как далеко мы можем зайти на этом пути. Герой романа на этой дороге открывает для себя новые смыслы жизни и познает всю силу демонов собственной души.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	50
Глава 5	62
Глава 6	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Спасибо, что ушла Андрей Щепин

*И пусть разум направит вашу страсть в свое
русло,
дабы не сгорела она бесследно,
но возстал, как феникс из пепла.
Халил Джибран, «Пророк»*

© Андрей Щепин, 2016

© Дарья Витошкина, дизайн обложки, 2016

Корректор Анастасия Окладникова

ISBN 978-5-4483-4331-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Камень весомо оттягивал ладонь. Самый обыкновенный, серый, выщербленный кусок породы притягивал сейчас все мое внимание. Только одно движение, взмах руки – и все окончится. Но отпустить его в этот конкретный момент – все равно, что лишиться чего-то сакрально важного.

Похоже, я придаю слишком большое значение этому символическому жесту, ну и пусть. Это все неслучайно. Или надуманно? Надо собраться, парень! Давай, брось его – и все. Сколько раз ты приходил на этот берег, хватал первый по-

павшийся булыжник и зависал. Почему? Зачем? Ну же. Раз, два, замах... И...

Раньше этот метод срабатывал безотказно. Хорошая такая разрядка – приходишь на берег, выплескиваешь всю злость, обиды, огорчения, всю желчь и ненависть. Визуально, физически ощущаешь, как камень впитывает весь твой негатив, все темное в твоей жизни – и безжалостно запускаешь все это скопище эмоционального мусора подальше в воду. Всегда работало. Становилось легче, до следующего раза.

Но в этот раз – сбой. Рука упорно не поднимается потопить очередной камень. Для расставания с этой обидой, похоже, время еще не пришло. Значит, положить его на место и идти. Домой? Не домой. Черт знает куда. Ты в этот раз не сумел отпустить. Выбросить. Вот и живи с этим, тряпка. Окей, гугл, где здесь ближайший бар?

Сейчас, спустя почти два года после тех катастрофически-переломных событий, я могу очень четко представить себя тогдашнего со стороны – взъерошенного и нерешительного, загнанного и усталого, в серой мятой одежде и слегка нетрезвого парня 29 лет, да еще и с дурацким камнем в руке. Парня самой среднестатистической внешности, с тошно-

творно усредненной жизнью и проблемами. Допускаю даже, что тот, прежний, «я» был жутко похож на маньяка. И в иных обстоятельствах на этом же самом берегу делал бы замах камнем над головой двадцать первой бессознательной жертвы...

К счастью, мне не дано было стать маньяком – не те личностные качества, знаете ли. Да жертвой я мог бы назвать только себя – так что и бить стоило только себя самого. Тем более, было за что: за запущенное и безрадостное существование, за преданные мечты и самоненависть, разъедающую душу и мозги. Все, что меня связывает версией из недавнего прошлого, по большому счету – это общие прожитые годы и память.

Спустя десятилетия, когда маленький, но смысленный не по годам внук подбежит к креслу и вытянет меня из полуденной дремоты вопросом типа: «Деда, а расскажи, чего интересного случилось в твоей молодости?», я сразу бы вспомню одну очень сумасшедшую историю, которой точно никогда бы в жизни не стал грузить его юный мозг. Наверняка просто не поверит и сочтет старческими бреднями. А вот почему – судите сами. Итак, год назад...

Глава 1

Недоброе утро

Этот день не предвещал ничего. То есть совсем ничего. Впрочем, как и вся прошедшая неделя. Сколько прошло времени с того кошмарного разговора с бывшей? Уже несколько месяцев. Шесть, семь... Да как тут вспомнишь. С ее уходом время неимоверно растянулось в тягучую восьмерку бесконечности, растворенную в тумане и сигаретном дыме. С битой посудой, пыльным бардаком в комнате и напрочь расколотым сознанием.

Благо, автопилот, поддерживающий внешнюю видимость активной жизни, все еще работал. Но все чаще сбоил, что начинало настораживать. Даже скорее тревожить, потому что без этого автопилота сейчас ну никак нельзя. Сразу раскусят неестественную радость и живость. Будут тыкать пальцем, крутиться вокруг, прихахатывая. Нет-нет. Маску ронять совершенно нельзя – хотя бы ради блага и спокойствия окружающих.

Коробка с ее вещами до сих пор пылится в углу прихожей. Наверное, поэтому я все реже решаюсь включать здесь свет – чтобы скрыть в темноте это картонное вместилище

боли и тяжелых воспоминаний. Ее обещанию – «да, завтра заеду и заберу» – послезавтра, по примерным подсчетам, исполняется уже три месяца.

Думаю, надо прикупить еще коньяку и отметить эту скромную дату. Ну, чтобы, наконец, была хоть какая-то веская причина нажраться, кроме банального «я так хочу». Заодно будет повод помыть рюмки – хоть какое-то облегчение для перегруженной раковины. Опорожнить пару шотов без закуски в одиночестве за столом на полутемной кухне. И стремительно пьянеющим сознанием вновь удивиться, как долго еще жизнь будет лететь в тартарары.

В такие моменты я иногда представляю себя машинистом поезда. Еще вчера моя жизнь неслась вперед стремительным локомотивом, преодолевая сопротивление ветра и жизненных невзгод. Он был решителен и неудержим, когда чувствовал под колесами крепкую рельсовую колею.

В моей маленькой вселенной этот путь казался бесконечным. Как не может быть препятствий и ограничений в воображаемом прекрасном мире. Просто в определенный момент рельсы под твоим поездом жизни начинают ощущаться как нечто само собой разумеющееся. Становятся неотъемлемой частью жизненной дороги. А следом исчезает и должная осторожность в дальнейшей поездке. Здесь-то и кроется

опасность: воображение подменяет собой реальное положение дел. Туман застилает обзор.

Теперь, случись где-то обрыв – ну, мост не достроили или просто ремонтные работы на путях – и все, катастрофа. А ты не в курсе, и несешься в никуда на всех парах, обдавая окрестности жизнерадостными паровозными гудками. И это в момент, когда предупреждающие знаки так и сыплются со всех сторон: семафоры бешено сигналият красным, регулировщики отчаянно машут флажками, пытаясь остановить твой стремительный ход.

Они пытаются тебя спасти: вот, впереди аварийный участок. Притормози, идиот! И тебе ведь, на самом деле, ничего не стоит остановиться, дождаться конца ремонта или даже помочь наладить рельсы. И спокойно двигаться дальше, всеми узлами ощущая собственную несокрушимость. Но ты не видишь сигналов – и крушение неизбежно происходит.

В какой-то момент случается встряска – ты проламываешь заградительную балку, ограждающую аварийный участок. Но остановиться уже нет ни сил, ни возможности. Не спасает рычаг экстренного торможения – и ты с чудовищным металлическим лязгом врезаешься в пустую насыпь, изламывая колесные пары, и грузно заваливаешься набок.

Таня была моей колеёй. Надежной, удобной и без резких поворотов. Вот только я и не предполагал, что этот маршрут мог быть конечным. Меня об этом оповещали какие-то знаки, но замечал ли их? Определенно нет. Просто ей молча надоела моя бесцельная езда туда-сюда.

Она не выдерживала той психологической нагрузки, что создавал мой «локомотив» своими поездками по ее рельсам-нервам. И радикальным сломом путей она четко дала понять – все, дружок, накатался. По-хорошему не понял, значит по-плохому: с болезненным крушением и многочисленными жертвами среди пассажиров – наших совместных воспоминаний и прожитых вместе дней.

Я знаю, что Таня со временем оправилась. Подлатала пути, нашла себе нового попутчика жизни и пустила его на дорогу своей жизни. Я же остался валяться под насыпью – покореженный и никому не нужный ржавый тепловоз.

Вновь поднимать на колеса такую бесполезную грудку железа никому, кажется, не пришло в голову. Или на мой разбитый локомотив просто всем стало наплевать. Да и я сам из-за сломанного гудка уже не могу подать голос ремонтникам, что периодически снуют по путям. Да, кажется, и сейчас в ушах звенит этот последний, надрывный гудок уже обреченного паровоза за секунду до крушения...

А, нет же, снова будильник. Утро. Очередной чертов понедельник, в которые блаженные идиоты вкладывают какой-то сакральный смысл и потаенные желания что-то изменить в своей жизни. И никогда ничего в итоге не меняя, раз за разом корят себя за слабость и неспособность преодолеть собственную лень без магии чисел и дат. Бездарно прогуливая дни в ожидании очередного календарного начала – недели, месяца, года...

Я давно бросил эту дурацкую привычку, и уже не жду волшебства и чудес от понедельников, первых чисел месяца и года. Не давать себе обещаний измениться под конкретный срок – значит не загоняться в состояние страха и паники. Исполнение обещаний ведь не на шутку пугает. Не потому ли такие вещи обычно проговаривают про себя, без свидетелей – чтобы, не дай бог, кто-то потом припоминал это. Себя самого оправдать за бездействие, конечно, гораздо проще.

«Очень пошлый конформизм кроется в твоей глупой отповеди», – скажете вы. И будете правы. Банальная оппозиционность банальному явлению. Клише, шаблон, мнимый протест. Да и плевать. Откуда взяться свежим мыслям и идеям,

если ты сам посадил себя в квартирную клетку, а за ее пределами нарочно не смотришь по сторонам?

Вот и мне некого винить в засилье банальностей в мозгу – я сам выбрал этот путь. Да, так и впрямь легче живется. Обнуление. Равнодушие. Не плохо и не хорошо. Никак, черт возьми. И эта самая «никаковость» – наверное, лучшая идея, что посетила за последние месяцы мой трагический мозг.

Лениво высвободил руку из-под подушки и вырубил трезвонящий телефон. Я бы с удовольствием закрыл глаза в томном ожидании сна еще на пару часов. Но бесполезно: сон уже которую неделю отступает очень рано и не возвращается. Лишь вновь оставляет наедине с очередным безликим днем, безжалостно бросает на амбразуру якобы важных дел и бесцельной суеты. Ну что ж, мы вновь потягаемся с тобой, Мир. И посмотрим, сумеешь ли ты доломать меня на этот раз.

Пока я лениво чистил зубы, стараясь не встречаться взглядом с отражением в зеркале, телефон выдал пару звонков от шефа. Не отвечал: рот забит пастой, да и просто лень разговаривать. Следом прилетела лаконичная смска: «Где отчет, мать твою?!». Я только ухмыльнулся, сплюнул, прислонился к раковине и закурил. Утренняя сигарета натошак слегка помутила голову, привычно повело от первой дозы

никотина. Не трогают меня уже такие наезды, шеф. В апатичном состоянии есть отличные преимущества, надо признать.

На работу я, как всегда, опоздал. Правда, в этот раз – всего-то на полчаса, что уже неплохо. Всему виной слишком придиричивый выбор одежды, а именно – поиск более-менее свежей футболки и не самых затертых джинсов. Проскочив привычной стремительной походкой мимо кабинета начальника, скинул куртку в гардеробе и заскочил в отдел. Но шеф уже сидел в моем кресле и методично перебирал файлы и бумаги в лотках.

– Вчерашний отчет я все никак не могу найти у тебя на столе, – тихо отметил начальник, не глядя на мою удивленно застывшую фигуру. – И у себя на столе я его тоже почему-то не вижу. Этому есть объяснение?

– Ну, в общем, да, – выпалил я, не особо стараясь придумать пристойное оправдание. – Он все еще в работе, Дмитрий Олегович. Возникли определенные затруднения.

– И какие же это затруднения? – шеф оторвался от разведения бардака на моем месте и вперил в мою переносицу самое суровое выражение своих ядовито-зеленых глаз.

Неприятен был его взгляд: просто чудовищно отталкивающий и вносящий сумятицу в голове. Всем своим видом шеф выражал грозность и важность, хотя по факту в его подчинении были пять зашуганных менеджеров нашего отдела статистики. Над ним же была целая вереница вышестоящих шефов, которых тоже постоянно что-то не устраивало.

А отдувались по этой цепочке, в конечном счете, мы, рядовые аналитики – как всегда бывает. Но сейчас я молчал, стараясь не ловить этот адски коробящий взгляд. Не хотелось ничего отвечать, только бы поскорее свалил к себе. Ведь все, что я теоретически скажу, однозначно будет использовано против меня же. А значит – держать паузу до конца. Главное держать паузу.

– Не слышу ответа, – прошипел шеф и так медленно приподнялся со стула, что рессоры заскрипели.

– Будет готово к обеду, – все же сдался я, прекращая «молчанку». Все равно ведь не отстанет. – Да, будет готово.

Дмитрий Олегович все же подошел и приблизился вплотную к моему лицу, все пытаясь установить свой «фирменный» укоризненный зрительный контакт. Но я лишь аккуратно вертел головой, а он пытался двигаться со мной в такт,

не оставляя попыток заглянуть в глаза. Выглядело это довольно комично, что не заржать было крайне сложно.

Шеф был очень хорошо осведомлен о магии своего взгляда. Но об этом «психологическом оружии» в то же время крепко знал и весь наш отдел, что шефа особенно бесило. «Никаких зрительных контактов с этим неадекватом» – таково было неписаное правило в нашего отдела.

– Ну-ну, – не добившись своего, недовольно пробасил шеф и, ехидно оскалившись, наконец, потопал к выходу. – У тебя время до двенадцати ноль-ноль, потому что к часу мне на совещание. Иначе пойдешь нахрен на все четыре стороны!

Дверь кабинета хлопнула, едва не слетев с петель. Но я знал, что увольнение мне не грозит. Эти идиотские отчеты за меня ему никто не напишет, хоть и сдаю я их в самый притык. Но ведь сдаю же. А эти угрозы увольнения – настолько приевшиеся пугалки, что и не стоят внимания.

Вот ведь псих, этот зеленоглазый. Еще и бардак какой развел на моем рабочем месте. Порядок на столе – это, конечно, вещь субъективная и обстановка до его обыска была далека от идеала. Но зачем так все переворачивать вверх дном? Точно, шизик. Придется все же прибрать этот ворох бумаг,

что совсем не входило в мои утренние планы. А еще и отчет этот дурацкий, к которому я совсем не прикасался два дня. Ну что за день, а?

Тяжело кряхтя, принялся небрежно сортировать раскиданные по столешнице бумаги. Старые распечатки, сводки, аналитические справки, брошюры. То, что мирно пылилось в лотках попеременно, также нужно и скидать. Заниматься более удобной сортировкой всей этой макулатуры не было ни малейшего желания. Сгреб листы, сбил в пачку, запихнул в секцию.

А, еще и эти чертовы рекламные листовки, которые десятками копились под стопкой документов. Нафига он и их раскидал? Ладно, пусть будет хороший повод выкинуть этот хлам. Что у нас тут? Реклама, реклама, реклама. В корзину. О, еще и один буклет. В мусор. Как скажешь, зеленоглазый. Я себе весь стол зачищу нахрен. А потом уволюсь. Потом. Когда-нибудь.

Гора макулатуры росла в мусорном ведре. Листовки, буклеты, журналы, распечатки отчетов. Я резкими движениями рвал на куски всю эту рекламную и рабочую хрень, но легче не становилось. Лишь спиной ощущались заинтересованные взгляды коллег, в которых, однако, совсем не чувствовалось сочувствия и обеспокоенности – лишь желание быть

свидетелями занятой ситуации. Обращиваться и ловить их увлеченные лица совершенно не хотелось. Только рвать документы и сваливать груды обрывков в мешок.

На самом дне лотка попался еще один яркий рекламный буклет. Я уже готов был его утилизировать, но взглядом выхватил слоган: «Безнадежных не бывает». Интересно. Присел на стул, пробежался по написанному. Брошюра была изрядно потрепана и слегка выцвела. Реклама психолога, предлагающего терапию и лечение профессионального выгорания. Мой случай, судя по всему. Хотя это, может быть, бред полнейший. Ну, много ли народу ходят к этим так называемым специалистам?

Но все же где-то в глубине подсознания пробудился тихий голосок разума: «А почему бы и нет, мужик? Посмотри на себя, ты похож на бледную тень себя прежнего. Вот, сидишь в заляпанных джинсах и мятой рубашке. Никакого самоуважения. Ты определенно сломался, но не хочешь этого признавать. Выдаешь тут истерики, как обиженный всем миром. Сам не можешь оклематься, так попробуй с умным человеком поговорить. Чего теряешь?». И вправду, почему бы и нет? Ладно, пойду, хоть выговорюсь. Вдруг полегчает.

Глава 2

Невыносимый психолог

– Прошу, Виктор, проходите. Светлана Ивановна вас ждет, – миловидная девушка-одуванчик за стойкой оторвалась от сосредоточенного печатания, жестом указала на дверь кабинета и снова углубилась в изучение картинки на мониторе.

Я с удовольствием бросил на стол какой-то невнятный журнал, за которым убивал время уже полчаса. Зачем-то пришел пораньше, не хотел опаздывать. Кто их знает, этих психологов. Вдруг эта тетка начнет на сеансе судить о моей непунктуальности вместо того, чтобы углубиться в разбор реальных проблем. А потом еще пропишет еще один сеанс, и так недешевый.

Дверь в ее кабинет я открывал с некоторой опаской. Но пока вроде бы зря. Сама комната терапии не выглядела как-то особенно примечательно: широкие окна без штор, отчего комнату заливал яркий солнечный свет, бежевые однотонные стены контрастируют с темно-коричневой мебелью. Да и из обстановки-то – два кресла и кофейный столик, да кулер с водой в дальнем углу. Лаконично и просто. Рядом

с моим креслом дымилась чашка горячего чая.

Беседовать мне предстояло с женщиной средних лет, с каменным и особо не запоминающимся, типичнейшим славянским круглым лицом. Она спокойно смотрела на меня прямо в упор так, что становилось неуютно. В руках женщина мяла большой блокнот. С минуту мы играли в непонятные гляделки, пока я, наконец, не решил потупить глаза. Тогда она ободряюще улыбнулась.

– Знаете, я неопытный в таких визитах, скажу честно, – сказал я, расположившись в глубоком кресле и стараясь принять максимально уверенную позу.

– Ничего страшного, Виктор, многие еще боятся приходить на терапию, – ответила Светлана и взяла ручку наизготовку. – Но мы сегодня говорим о вас. Итак, что же вас больше всего беспокоит? Можете меня не бояться, говорите смело. Ничего не покидает пределов этой комнаты.

– Даже ваш блокнот не покидает кабинет? – попытался я состричь.

Психолог спрятала улыбку, тень строгости промелькнула на ее лице. В самом деле, чего это я. Надо быть посерьезнее, хотя бы иногда.

– Ну, что ж, попробую объяснить более-менее понятно, – я тяжело вздохнул, собираясь с мыслями. – Меня все достало. Вот буквально все. Знаете, еще год назад я был довольно приятным человеком, веселым и жизнерадостным. По крайней мере, мне часто об этом напоминают знакомые. А сейчас, как будто постарел лет на тридцать. Невыносимо хочется вести себя как старый дед. Ворчать на всех, осуждать и копить злобу в одиночестве.

– Почему именно год назад? – переспросила Светлана и что-то чиркнула в блокнот. – Тогда случилось что-то важное, переломное? Как думаете?

– Ну да, – ответил я легко. – Тогда я просто разлюбил свою жизнь.

– То есть? Так просто?

– Ну, это что-то типа: носишь одну кофту пять лет подряд, вроде и любил ее первое время за удобство, мягкость и качество. Носил с удовольствием. А сейчас, спустя годы – вроде и то же удобство при носке, и не полиняла, а радости от нее уже никакой. И в то же время выбросить жалко – хорошая вещь. Так и носишь ее иногда, просто по привычке, но от этого не становится легче, а, наоборот, все хуже

и хуже. Не слишком сложный пример?

– Прекрасно вас понимаю, – кивнула Светлана. – Даже могу похвалить, что вы так спокойно говорите о своей нелюбви к жизни.

– Спасибо, конечно, но иначе бы и не сказал, – я слегка пожал плечами. – Да и чего не быть спокойным. Хуже ведь уже быть не может, так чего париться, в самом деле.

– Но я все же рискну утверждать, что ваше спокойствие только внешнее, напускное, – продолжила Светлана и сочувственно улыбнулась. – А внутри... происходит нешуточная борьба.

– С чего вы взяли? – я неосознанно дернулся в кресле, но вновь откинулся на спинку. – Разве не видно, что я даже улыбаюсь.

– Это же элементарно. Если бы вы были действительно спокойны по этому поводу, то считали ваше состояние нормой. А если бы это для вас было нормой, то не сидели бы сейчас в кресле напротив. Тяжелую внутреннюю борьбу не скрыть ни за какими улыбками.

Я лишь едко ухмыльнулся и решил проигнорировать эту

реплику. Отхлебнул чаю, откинулся в кресло и с откровенно наигранным интересом посмотрел на психолога, насмешливо вскинув брови. Происходящее уже наводило откровенную скуку – а ведь только начало разговора.

– Но все же, вы абсолютно уверены, что происходящее вас совершенно не беспокоит? – психолог буквально отчеканила каждое слово с максимальным выражением.

– Я хочу быть абсолютно спокойным по поводу своей жизни, – кивнул я настороженно.

– Хотите, – эхом повторила Светлана и продолжила мягким, но настойчивым голосом. – Но всегда ли можете это контролировать? Здесь вы можете быть максимально честны и откровенны, помните. Я чувствую и понимаю ваше недоверие. Вы замыкаетесь, хотя пришли за помощью, разве нет? Поэтому позвольте мне помочь. Дайте шанс самому себе.

Я минуту буравил психолога недоверчивым взглядом. И боролся со стремлением встать и уйти. Но крохотная частица мозга нервно пульсировала, призывая засунуть в задницу гордость и сомнения – да и выговориться, наконец, как следует. «Сними уже свой панцирь хотя бы на этот час, а то смотри – он уже плечи натер до кровавых мозолей» – твер-

дило подсознание. Хорошо-хорошо, только заткнись, пожалуйста.

– Конечно, нет, не спокойно, – вздохнул я напряженно. – Я с каждым днем все сильнее теряю контроль над жизнью. Она утекает, как мне кажется, бесцельно. Это, знаете, как американские горки. Ты вроде летишь вниз, до дна, но весело и дух захватывает.

Светлана понимающе кивнула и жестом предложила продолжать. И я продолжил.

– С другой стороны, наверное, страшно что-то менять в этой ситуации. Просто потому, что есть опасность доломать вообще все, что у меня еще осталось. Вот и хочется лишний раз подпереть это хлипкое здание, лишь бы какая-нибудь стена не съехала снова. Сохранять подобие стабильности – разве это не выход, не решение? Вдруг все со временем придет в норму и станет ясно, что действительно не стоило ничего радикально менять. И так было хорошо и правильно.

– А вы готовы терпеть, пока все-таки придет это время? – Светлана озадаченно вскинула брови. – Ведь никто, даже вы сами, не сможете назвать точную дату, когда все станет хорошо.

– Ждать, видимо, – ответил я. – Просто ждать. Это ведь вполне адекватный выход, пока нет сил на то, чтобы куда-то двигаться. А там, глядишь, и земля сделает очередной виток, и вернется убежавшая белая полоса.

– А если представить, что в один прекрасный день утром или вечером в ванной, во время обычного умывания, вы дежурно взглянете в зеркало и вдруг осознаете, что ненавидите того небритого и депрессивного человека в отражении, – привела Светлана пример. – Или того хуже, просто не узнаете себя в этом человеке по ту сторону зеркала. Как будете с этим справляться?

– Разговаривать я с ним точно не стану, – попытался сострить. – Это ведь будет называться шизофренией, кажется?

– И все же, если по-серьезному? – Светлана вперила в меня свой самый настойчивый каменный взгляд и, кажется, даже не думала оценивать шутку.

– Ну..., – протянул я после некоторых мучительных раздумий. – Думаю, в этом случае стоит попробовать себя полюбить, каким есть. Или хотя бы подружиться. Ведь я по-прежнему останусь собой, в своем теле. И никуда от этого

тела не денусь, пока живу.

– Мне это видится так: часто в жизненных ситуациях ненависть к себе – самый первый и самый важный шаг готовности к переменам, – ответила Светлана. – Люди часто ненавидят в себе то, что не могут перерасти, что-то им уже давно несвойственное. Но если вы попробуете просто полюбить то, как оно есть, разве это решит проблему?

– А если это перестать считать проблемой? – парировал я. – Ведь многие же советуют мыслить позитивно. Тогда и самоненависть со временем должна отступить, разве нет?

– Самоненависть – это всегда проблема, – решительно резюмировала Светлана. – Неуверенностью, неудовлетворенностью жизнью, постоянными самокопаниями и бегством от близких, человек постоянно травмирует не только себя, но и свое окружение. Одни могут терпеть, а другие не выдерживают такого отношения, плюнут и бросят гиблое дело спасения. Потому что как спасти человека от самого же себя? Как считаете, насколько это большая проблема для вас?

Я молчал довольно долго, понуриив голову. Временами открывал рот, набираясь сил что-то ответить, но лишь с шу-

мом выдыхал и снова замыкался. Светлана терпеливо ждала ответа.

– Спасибо, но мне пора, простите, – наконец произнес я севшим голосом и вышел из кабинета, не оглядываясь.

– Приходите на следующей неделе, Виктор, – бросила вдогонку Светлана за секунду до того, как я хлопнул дверью.

– Что бы она понимала! – пробурчал я, выскакивая на улицу.

Вечер пятницы накрывал город сизым сумрачным одеялом – и этот вечер непременно надо было убить. Максимально зажигательно. Душеспасительных бесед на сегодня достаточно. Я без всякой глубокомысленной зауми мог сам поставить себе диагноз, пусть и малоприятный на первый взгляд.

Походы по кабакам в последнее время стали моей подлинной отдушиной. Шумом и гамом, громкой музыкой, неонном и физически пьянящим воздухом они вели, казалось, к успокоительному счастью. Ты вливаешься в людское море – и растворяешься в нем. Вступаешь в резонанс и на какое-то время отпускаешь собственную ущербную личность

в свободное плавание по пивным рекам и табачным берегам. В грохоте барного веселья крики собственных тревожных мыслей теряют свою силу и остроту.

Странно, что еще год назад я совсем не испытывал тяги к подобным заведениям. Моя прежняя жизнь была наполнена непоколебимой серьезностью и карьерными амбициями. Так повелось еще со старших классов школы, когда я окончательно укрепился в желании свалить подальше из своего загибающегося депрессивного городка и добиться значительно большего, чем одноклассники.

На первых курсах универа, правда, верх взяла чудесная вольница большого города, разгульное творческое окружение и отсутствие родителей на горизонте. Но, к счастью, пьянками и клубными развлечениями я пресытился уже к середине второго курса. А дальше амбиции вновь вышли на первый план.

Следующие несколько лет были подчинены ответственным делам. Я неуклонно набирался практики и опыта, вдумчиво подходил к учебе. Строил большие планы на будущее. И даже, по словам окружающих, подавал большие надежды. В общем, заработал репутацию насквозь положительного и ответственного парня с немалыми амбициями.

Не удивительно, что карьерная дорога готова была взметнуться вверх ракетой. Диплом вуза за плечами, и практически сразу – хорошая и престижная должность. Глаза мои горели, силы казались неиссякаемыми. Завязывались долговременные отношения с перспективой женитьбы. Мечта, а не жизнь. Спокойная и степенная, рассчитанная на годы вперед. Встал на колею – и поехал, чего проще?

Но, кажется, у Вселенной были свои планы. Или я придавал этим планам слишком много серьезности, чем превысил некий предел собственной нервной системы. Вот в этот момент меня и понесло под откос. Причем не резко, а плавно и без резких виражей, что я на первых порах совсем не замечал надвигающегося падения.

Неспешно, по капле, нарастала апатия к любимой некогда работе, нарастало раздражение от упреков Тани и друзей в постоянной занятости. Все это накладывалось на глухие карьерные перспективы от осознания, что угораздило застрять на одной должности уже пятый год, не в силах скакнуть хоть на ступеньку выше. Ощущение жизненного тупика все яснее маячило на горизонте.

Нарыв тревог и напряжения прорвался болезненно, против моей воли. Первой не выдержала Таня. Солнечным воскресным утром она в гневе собирает вещи и возвращается

к родителям, в ярости желая пожениться на собственной работе. Следующие несколько дней я слонялся в растерянности по пустой квартире, пытаюсь настроиться на рабочий лад и хоть как-то унять боль. Но прежнее трудовое вдохновение уже практически угасло. Набирал обороты полнейший рабочий паралич.

Тогда я заново впустил в жизнь все эти кабаки и окружил себя приятелями, что чувствуют себя органично в этой пьяной вакханалии. Как показалось, я нашел себя здесь, в этом празднике жизни, что каждый вечер набирал обороты в шумных прокуренных заведениях. Выходы бывают разные, не правда ли?

Просто пить, курить, танцевать, творить всякую непотребную хрень и не думать о будущем – что может быть проще? В этой странно-позитивной тусовочной среде так заведено. Пока шоу продолжается, ты прекрасен и окружающие прекрасны. А реальная жизнь, угасающая буквально на глазах, как думается, подождет у порога еще на один вечер.

В тот вечер я вновь спешил снять напряжение по известному адресу. Пара безбашенных и изрядно захмелевших друзей уже ждали на месте. У барной стойки мы приплясы-

ваем и дуем пиво бокал за бокалом. С ними легко и весело – не то, что моя жизнь за пределами этого праздника. Я дышу полной грудью и наполняюсь хаотичным весельем. Всем телом чувствую буйную энергию, разлитую в прокуренном воздухе.

– Так что там у тебя случилось? – кричит мне Вася, пытаясь переорать громкую музыку. – Приунываешь как-то ты, Витек.

– Нормально все, – отмахиваюсь я и осушаю остатки пива в бокале. – Бармен, повтори. Как-нибудь потом расскажу.

– Ну и ладно, – легко соглашается он и снова тянет меня на пляски посреди зала.

Мы вливаемся в толпу и выдаем хаотичные движения, не обращая ни на кого внимания. Вокруг неизменно трутся нафуфыренные девки, что приходят сюда группами и вызывают раскованными телодвижениями закономерное внимание мужской половины бара. Снимать их после третьего бокала довольно легко. Но лень. Я здесь и сейчас лишь пляшу и пью. Пью и пляшу, подкармливая прожорливую черную дыру в душе.

Ближе к двум часам ночи мы шумной ватагой, наполовину мне не знакомой, выдвигаемся в какой-то ночной клуб неподалеку. И здесь танцы продолжаются – бессмысленные, сексуальные, с полным погружением в пьянящий музыкальный драйв. В ход идут новые коктейли, становится все жарче и жарче. Нужна передышка. Выскакиваю с танцпола и, весело приплясывая, добираюсь до уборной, чтобы немного освежиться.

Плеск холодной воды в лицо, второй третий. Поднимаю голову. И вот оно – вдруг ставшее совершенно незнакомым отражение в зеркале. Отрезвляющее озарение. Мокрое, жалкое лицо постаревшего изнутри молодого человека. Уставшего от всего и всех, но в первую очередь от себя самого. С пустотой и душе, кладбищем надежд на сердце и полным бардаком в жизни. Лицо человека, бегущего от всех проблем, загоняющего все глубже в подсознание страхи и неуверенность за свое будущее. Трамбуя их нещадно, до предела пока еще остается место.

В чем-то прав был этот мозгоправ: однажды я возненавижу собственное отражение в зеркале. И это, возможно, станет началом больших перемен. Но как мне осознать, что за изменения мне нужны? Черт, в полупьяной голове тяжело ворочаются мысли. Разве надо прямо в этот момент заниматься самокопанием? Однако ж признаю – сейчас этот грустный

чувак из Зазеркалья мне противен. И с ним почему-то совсем не хочется иметь никаких дел. Тупой прожигатель жизни. И как ему живется в этом духовном вакууме? Счастлив, доволен всем?

Человек в отражении, очень похож на меня, но ничего не ответит. Когда я его оскорбляю, слова отражаются в мою же сторону. Но, черт возьми, я уже не узнаю себя в зеркале. И давно не понимаю, зачем вообще дышу, зачем потребляю кислород, не создавая ничего хоть сколько-нибудь полезного для этого мира. Все эти бесконечные рабочие отчеты – это не польза, это все пустое. Так может пора об этом задуматься и начать все исправлять? Хорошо, но пусть это будет проблема завтрашнего Виктора. Сейчас же будем догуливать, как в последний раз. Возможно. А пока – танцы!

Я вновь ворвался на танцпол, и практически сразу энергия толпы вымыла из головы все прежние тревоги и огорчения. Какой же я пустой? Вот же, посмотрите, буквально свечусь силой. Мы подзаряжаем друг друга в дыме кальянов и лазерных бликов на лицах. Мы сверкаем, блестим, лучимся улыбками. Мы молоды, и нам нет дела до каких-то так серьезных дел. Пляски и светящиеся коктейли творят чудеса раскрепощения.

– Да мы счастливы, черт возьми! – кричу я во все горло,

не в силах сдержаться.

Громогласный рык прорезает зал. Люди вокруг подхватывают мою волну и вот мы разрываем площадку коллективным: «Да! счастливы!». Батарейка в каждом из нас прибавляет еще 100 процентов заряда. Ускоряемся. А затем диджей дает мелодичный трансовый проигрыш. Мы синхронно замедляемся и распускаем руки к небу. Море волнуется раз, море волнуется два... Закрываешь глаза, кожей ощущаешь этот мотив, качаешься на его волнах. И плевать, что будет завтра.

Глава 3

Карты и костер

Но все же в кабацком гуле и веселье коктейльных гулянок нечто переломное уже назревало в моей очерствевшей душе. То, что я долгое время отказывался признавать – невыносимое, неукротимое чутье скорого рывка, когда чувства обостряются, отсекая внимание от всего лишнего, отжившего свой срок в текущей реальности. Хилый росток, пробивающийся к солнцу сквозь трещину в асфальте.

В такие переломные моменты ты обычно продолжаешь некоторый период катиться по инерции в рамках своего прежнего стабильного существования. Но маховик перемен уже запущен в пространстве Вселенной. Готовность подчиниться ему – лишь вопрос времени, а судорожные попытки подпереть и подкрасить разваливающийся фасад прежних убеждений уже не приносит пользы. Если от этих действий вообще когда-то бывает польза.

Много позже я убедился, что в числе прочих классификаций людей можно разделить на два типа: тех, что вдохновенно бросается навстречу новому и неизведанному, и тех, кто всеми силами стремится закрепиться в своей удобной и ком-

фортной повседневности. Но фишка в том, что тех и других неизменно ждет неотвратимый толчок вперед под напором обстоятельств.

Другое дело, что готовые к этому пинку принимают новые, назревшие правила игры – и выходят на новый уровень. Другие же даже от слабого толчка Вселенной со всего маху влипают в стену, ими же и созданную для защиты от перемен. Это, конечно, удерживает самых распоследних трусов на месте, но постепенно разъедает разочарованиями – от несделанного, нескazanного, не выраженного, нерешенного.

И так до смерти или следующего волшебного пинка. Поэтому, как бы мы не относились к этому процессу, когда перемены уже близко, ты неосознанно начинаешь замечать в окружающих мелочах все более очевидные сигналы – пора, вперед, решайся! Wakeup, черт возьми! Встряхнись, на тебе уже метровый слой пыли!

Это может быть что угодно: случайная встреча, неосторожная фраза, забавный на первый взгляд случай. Что угодно, резонирующее с твоим нынешним состоянием. Абсолютно хаотичные, раскиданные по времени ситуации. Каждый такой мини-урок все очевиднее предыдущего, и в один переломный момент складываются в идеально подогнанный паз-

Я этого всего не понимал долгое время, и поделом. Ведь упорно игнорировать знаки грядущих перемен, нагло лезущих прямо в лицо – значит эмоционально и духовно загибаться в костно-мясной телесной тюрьме. С упорством, достойным лучшего применения, я строил в своем сознании крепкую кирпичную стену, не задумываясь, как скоро мне придется влететь в нее от неотвратимого пинка Вселенной. Но все яснее ощущая те шаги, что двигали меня на пути к переменам.

Это было обычное пасмурное апрельское утро – когда на еще не расцветших деревьях едва наливаются почки и проклевывается первая хлипкая трава на газонах. Вместо очередного сидения в офисе шеф отправил меня обсудить сверстаный накануне проект о продвижении совместных проектов с представителем иногородней фирмы-партнера. Компаньон прилетел к нам в город в командировку буквально на день, и мне предстояло утрясти мелкие детали ближайших планов двух фирм.

В лобби небольшого отеля, где я должен был встретить гостя, было малоллюдно. Скучающая у ресепшена горнич-

ная со стервозным лицом и выражением лица брезгливой породистой гончей то и дело бросала на меня укоризненные взгляды, будто я здесь сидел не по делу, а лишь занимал кресло, греясь их казенным отоплением. Но в мгновение ока девушка преобразилась в милую и отзывчивую, когда к стойке регистрации подходил очередной постоялец. Наблюдать за ее лицемерными метаморфозами мне вскоре наскучило и я сосредоточился на бумагах, разложенных на журнальном столике.

– Уф, добрался, – раздался слева от меня уставший низкий голос.

Я инстинктивно обернулся: в соседнее кресло с шумом приземлился немолодой худощавый мужичок с морщинистым вытянутым лицом. Одет он был в желтую ветровку, коричневые брюки в сочетании с ярко-красными ботинками. К подлокотнику посетитель прислонил зеленый чемодан на колесиках. «Странное сочетание, ну да ладно», – хмыкнул я и вновь углубился в отчет.

– Вы что-то хотели сказать? – вдруг произнес мужичок.

Резко поднял голову и убедился – он точно смотрел в мою сторону и обращался ко мне. Станный гость уже успел расстегнуть молнию ветровки, под которой оказалась забавная

блестящая ультрамариновая рубаша. На шее поверх ворота болтался ворох кулонов и амулетов. «Хиппи какой-то» – подумал я, но вслух произнес:

– С чего вы так решили?

– Я определенно заметил, как шевельнулись ваши губы, когда вы в первый раз на меня взглянули, – серьезно ответил незнакомец. – А потом еще хмыкнули, будто разглядели во мне что-то забавное.

– Нет, что вы. Вам, наверное, показалось. Извините, я тут пытаюсь работать. Важное дело. – И вновь демонстративно углубился в перебирание листов отчета.

– Мне определенно не показалось, но право ваше, – кивнул странный собеседник. – Но так ли все это важно, как кажется на первый взгляд?

– Определенно важно, – пробурчал я, не глядя в его сторону. – Это ведь моя работа. Я этим на жизнь зарабатываю.

– Но не всем судьбой предназначено перебирать бумажки, – донеслись до меня слова мужичка после минутной паузы. – Может все должно быть гораздо интереснее, чем есть сейчас. Варианты судьбы неисчерпаемы.

Я начинал злиться. Понятное дело, что мне не нужно было всерьез вчитываться в этот отчет, уже известный по содержанию вдоль и поперек. Но с его стороны виделся явный перебор с чтением моралей совершенно постороннему человеку.

– Послушайте, – я повысил голос и выразительно уставился на назойливого незнакомца. – Я все понимаю, но прошу мне не мешать работать.

Он в этот момент, не отрываясь, смотрел на меня, и улыбался. В руках мужичок методично тасовал массивную колоду карт с картинками.

– Такой молодой, а уже такой замученный, – посетовал он и продолжал тасовать карты. – Это ведь беда нашего мира, когда мы с каждым днем теряем способность любить. А вместе с этим – жить легко, играючи. Потому что как жить иначе, если не играя? Ведь в играх, больших и малых, и кроется вся наша жизнь.

– Легкомысленно как-то получается, – протянул я удивленно. – Или даже безответственно.

– Смотря как на все посмотреть, – продолжал улыбаться-

ся незнакомец. – Вот, к примеру, тебе наверняка интересно, что тебя может ждать впереди? Какие варианты развития событий могут быть? А зная это, попробовать сыграть в эту игру собственной судьбы.

– Это на картах что ли? – скептически ухмыльнулся я, глядя на колоду в его руках. – Вы гадаете?

– Кому-то может быть смешно, но часто серьезные люди ищут ответы на свои вопросы именно в них. Это не гадание, а только просмотр пространства вариантов. Небольшой расклад на Таро, а там уж сам решаешь, по душе тебе или нет. Настроение у меня хорошее сегодня, авось и тебе в чем-то помогу разобраться.

Глянул на часы – до встречи было еще около получаса. Все равно заняться нечем, этот отчет уже в печенках сидел. А так хоть время убью, и будет чем друзей при случае повеселить.

– Хорошо, – кивнул я снисходительно. – Покажите, если хотите.

Мужичок с громким скрипом придвинул кресло поближе к столику, нагло отодвинул мои бумаги. И застыл на минуту, склонив голову. Я терпеливо ждал. Потом выпалил какие-то малопонятные мне манипуляции с колодой. Вытя-

нул из нескольких мест пять карт и вложили их картинками вверх.

– Так, что тут у нас, – задумался мужичок. – Не женат?

– Нет, – весело ответил я.

– Значит, будешь, – ответил он серьезно, по-прежнему пристально рассматривая карты. – Тебе выпадает карта свадьбы, причем очень скоро.

Я усмехнулся, но промолчал.

– А еще тебе карьерные перемены падают, причем серьезные, – продолжил объяснять мужичок. – Важные, кардинальные. Но важно решить, наконец, чего ты хочешь. Пока ясности нет – ничего не работает.

– Хочу я того или нет? – попытался я съерничать.

– Ну что значит, хочешь или не хочешь? – парировал мужичок. – Вижу, что бардак у тебя в голове и не понимаешь, чего на самом деле хочешь от жизни. Пойди и поиграйся в новой песочнице, это не стоит великих трудов.

Ухмылка сползла с моего лица и накатывала задумчи-

вость, как бы я не старался скрыть эмоции. Решил и дальше не перебивать, пусть договорит.

– Главное – понять, чего тебе надо, конкретно. Не решить ничего – будешь жить, как живешь, в этом бардаке. Ладно, – незнакомец резко сложил карты, спрятал колоду в карман, схватил чемодан и поднялся. – Удачи тебе. И помни: любовь всегда побеждает.

Я усмехнулся ему вслед и вновь углубился в бумаги. Но цифры и графики скакали перед глазами, сосредоточиться никак не получалось. Взглянул на часы – еще 15 минут. Успею. Сложил бумаги в папку и быстрым шагом добрался до бара.

Первым порывом было замахнуть бокал виски, но здравый смысл возобладал. Заказал двойной эспрессо. Махнул чашку четыремя большими глотками. Выдохнул. Вышел на крыльцо покурить. Затянулся. Да, полнейший бардак в голове – ты прав, мужик. И жить с этим захламленным сознанием все тяжелее, все тревожнее.

После очередной пьянки по возвращении домой я потерял телефон. Из того бурно-хмельного веселья вспоминались,

как в калейдоскопе, вереница значных заведений большой компанией малознакомых людей. Мы пили, о чем-то болтали. Пахло странным мясом. Мутнело в глазах, сознание входило в измененное состояние. Я вывалился из бара, не прощаясь, где-то в районе трех утра. Такси до дома я вызвал за чем-то на другой конец улицы, похоже в пьяном угаре промахнулся адресом.

И вот я бреду вперед по пустынной улице – легкая мишень для местной гопоты – собираю плечом краску со стен, заборов и постоянно себя осматриваю – не забыл ли сумку, не оставил ли куртку. Проверял: все при мне, успокаивался. И через пару минут вновь брался себя охлопывать.

Небольшую передышку устроил в тенистом сквере, где в итоге чуть не уснул. Еле поднялся, чуть не упал, потопал. Наконец-то, моя машина. Сел. Отрубился. Очнулся. Дом. Квартира. Сон.

Наутро я застал полнейший бардак в комнате с перевернутыми грудями вещей и открытыми настежь шкафами. Перед тем, как вырубиться, я, кажется, что-то упорно искал. Но больная от похмелья голова упорно отказывалась воспроизводить последние воспоминания. Как срезало просто. Так бы посмотреть, что случилось, кому звонил и чего хотел. А где телефон?

А телефона и не было. Я прошел весь свой ночной путь развороченных вещей, наделал еще большего беспорядка. Выскочил на площадку в одних шортах, пробежался по этажам. Пусто. Надо бы позвонить на свой телефон, да только неоткуда, в чем самая ирония.

Схватился за ноутбук, а там – сообщение от друга. Как оказалось, меня везла женщина-таксист. Телефон нашла наутро под сидением, прозвонила последние номера, вышла на него. Сейчас она рядом, уже подъезжает, хочет вернуть аппарат. «Лети вниз, сейчас она подъедет. Конфет ей каких-нибудь подари за честность» – указал друг. И я побежал, напялив первую попавшуюся рубашку.

Конечно, конфеты я не успел купить – ее машина, смутно узнаваемая после вчерашнего, уже стояла у подъезда. Моя извозчица, улыбчивая круглолицая женщина средних лет, немного посмеялась над моим разгильдяйством, («а кто бы не посмеялся на ее месте?»). Рассказала, в каком совершенно невменяемом состоянии я был («удивительно, что вообще до дома добрался») и как едва не влетел лбом в подъездную дверь с разгона.

– Но я никогда на клиентах не наживаюсь, поэтому, вот, – подытожила она и протянула, наконец, мой потем-

рянный телефон.

Рассыпаясь в «спасибо», протянул деньги и вернулся в квартиру. Уселся на диван посреди устроенного бардака. Позвонил другу, отчитаться в возвращении потере. Он закономерно пошутил на счет моего вечного разгильдяйства. А затем тактично сослался на рабочую занятость и отключился.

Я с тоской оглядел вечный холостяцкий хаос кругом. И вдруг осознал со всей ясностью, как безнадежно отстаю от близких в каком-то важном жизненном аспекте. Мои лучшие друзья, с кем мы годами веселились и буянили напропалую, теперь остепенившиеся и семейные, уже детей делают или планируют.

А что я? Я остался на прежнем месте, убивая время с такими же беспечными гуляками. А все что остается мне наутро – это похмелье. Да пустая квартира, в которой нет ни любви, ни счастья, ни порядка. И надолго ли меня хватит в таком режиме, когда уже скоро наступит четвертый десяток?

В один из теплых майских вечеров одни хорошие знакомые решили устроить импровизированный пикник на окра-

ине города, выпить и пожарить сосисок. Вытянули и меня из дому под это дело. При других обстоятельствах я бы благополучно отнекался от этого предложения, но то ли настроение было соответствующее, то ли просто не было других дел, но я принарядился по-походному и все же приехал на место сходимки.

Я не пожалел. На пикник собралась небольшая, душевная, даже несколько камерная компания. И хотя я не знал половины присутствующих, костровая близость сделала свое дело. Вскоре мы все уже весело болтали, как старые знакомые, грелись у огня, пели песни. Завязывались беседы, споры, находились общие темы и живо развивались – обычная посиделка, другими словами.

За всей этой кутерьмой я не заметил, как пролетел вечер. Народ потихоньку разъезжался по домам, пока у костра, кроме меня, не остались только двое – старая знакомая Даша и новый друг Леша. Мы уже были заметно пьяны, но упорно продолжали уничтожать остатки купленного пива. Над поляной расцвело невообразимо яркое звездное небо. Я невольно залюбовался мириадами огоньков – таких далеких и таких близких одновременно – что едва не пропустил начало интересного разговора.

– Ну чего ты думаешь? – громко проговорил Леша, говор-

ливый патлатый парень неопределенного возраста и рода занятий. – Завела бы уже парня и все.

– А мне оно надо? – возразила Даша, упрямо тряхнув губными черными кудрями, и уткнулась взглядом в костер. – У меня и так все хорошо. Не нужны никакие отношения. Я занята любимым делом, а какой-то парень мне совершенно не сдался.

– Какая свободолобивая, – фыркнул Леша. – А годы ведь идут, и моложе ты не становишься.

– А ты не думал, что мне может и не нужно остепеняться? – возразила она и поворошила палочкой горящие дрова. – Ни семьи, ни детей – мне это просто не интересно. На этом этапе я хочу заниматься любимым делом, и здесь у меня все прекрасно.

– И что, совсем даже не задумываешься о будущем? – вставил я. – Где-то в перспективе не видишь себя мамой и женой?

– Ой, нет, – воскликнула Даша. – И в этом я вся.

– Не верю, что есть бабы, не думающие о семье, – усмехнулся Леша. – Все вы мечтаете об этом, просто не призна-

ются.

– А сам-то чего тогда не женишься? – пошла в наступление Даша. – Со стороны любой может судить, нет?

– Да я бы с радостью, но не с кем, – вздохнул Леша и сделал глоток из банки с пивом. Потряс, понял, что пустая, и зашвырнул в костер, подняв над головами тучу искр. – Хочешь знать, что думаю по этому поводу? А вот чего. Ведь сколько было вариантов, но я все благополучно прохеривал. А теперь с каждым я все чаще прихожу к такому пониманию: вот появишься сейчас на горизонте более-менее достойная девушка, готовая пойти в загс, я, не думая, потащу ее за руку с паспортом и распишусь. Настолько дозрел, что дальше терпеть некуда.

– Ну, вот, видишь, – подытожила Даша, грустно улыбнулась и вновь сосредоточила внимание на костре.

Леша раздобыл новую банку пива и тоже засмотрелся на огонь, ничего не ответив на реплику подруги. Я же, осушив свой пластиковый бокал, закурил и обернулся к звездам. Несколько минут пристального изучения знакомых созвездий немного отвлекали от мыслей, все упорнее лезущих в голову в такие ясные весенние ночи – о счастье.

Том самом счастье, которое не за горами. Но все никак не может найти дорогу. И ты из раза в раз веришь, что это счастье, вот-вот разберется с навигатором и скоро преодолет запутанные горные тропы. И это счастье совершенно точно не должно быть таким, как описывал себе Леша.

Вскоре пришло сообщение – вызванная машина такси ждала на другой стороне поляны, у выхода с рощи. Я оставил приятелей ворковать о всяком и добрался до машины. Усталю плюхнулся на заднее сидение, предложил шоферу сделать музыку погромче и понесся к дому по пустынным улицам.

Стояла тихая майская ночь, я заманчиво пах дымом ко-стра, впереди была целая жизнь. Счастье уже вышло на финишную прямую в поисках меня – теперь это явственно ощущалось всей душой. Ему обязательно нужно сделать несколько шагов навстречу и встретить достойно, уверенно. И уж точно не упустить момент встречи, чтобы спустя годы не тащить в ЗАГС первую встречную.

Глава 4

АКТИВНЫЙ ПОИСК

С Машей я познакомился в супермаркете детских товаров. Судьба занесла в столь непривычное место по очень весоному поводу – день рождения маленького племянника. Вот только пришел я без единой достойной идеи для подарка. Первые десять минут я пытался изображать уверенность – сосредоточенно бродил вдоль бесчисленных стеллажей и с умным видом вертел в руках красочные упаковки. Но с каждой минутой невозмутимость угасала, уступая место полнейшей растерянности.

– Вам чем-нибудь помочь? – чудесная голубоглазая, будто кукольная, миниатюрная блондинка в форменной магазинной футболке выросла за моей спиной. Так резко и неожиданно, что я чуть не уронил на пол дорогуций радиоуправляемый вертолет.

– Ээээ, – протянул я и грустно улыбнулся. – Мне бы что-нибудь для двухлетнего ребенка. Ну, в подарок. Я тут, кажется, нашел пару вариантов, но...

– Но, боюсь, такая вещь ему еще не по возрасту, их

почему-то больше любят сорокалетние мужики, – весело ответила Маша, бережно вытянула из моих одеревеневших пальцев коробку и вернула на полку. – А какие игрушки вашему мальчику нравятся?

– Нууу, – я не на шутку замешкался. И вправду, что он любит-то? – Машины, наверное. Мальчики ведь любят машинки? Я вот играл, да. Был у меня железный ЗиЛ в детстве...

– Понятно, – пожала она плечами и пристально глянула на мои ладони. – Не для сына берете, ведь. Просто родственник или ребенок друзей?

– Для племянника, – тихо ответил я, и понурил голову. – Мы с ним редко видимся в последнее время. И даже не в курсе, что ему больше по вкусу.

– Ну, тогда пойдете вон в тот отдел и выберем машинку, – кивнула Маша и так задорно мне подмигнула, что я еще больше опешил. – Эх вы, дядя...

В сердце что-то екнуло. Но это не был стыд за насмешку о плохих родственных качествах, нет. Скорее невыносимое желание пообщаться с этой красоткой поближе. Подольше, о всяком, в более неформальной обстановке. И сам удивился

такому порыву, казалось, уже почти атрофированному после прошлых разгромных отношений.

– Ну, кажется, статус дяди меня несколько старит, вам не кажется? Я ведь еще в расцвете сил, – очень криво пошутил я, и нервно хохотнул.

Маша взглянула на меня как-то особо пристально. Удивление буквально читалось в ее ясно-голубых глазах.

– Меня зовут Витя, кстати, – продолжил я решительно.

– Хорошо, спасибо, – озадаченно кивнула Маша. – А я Мария, но это вы и так знаете.

– Разве? – ляпнул я первое, что пришло в голову.

– Ну, бейджик вы видели, – она постучала пальцем по пластинке на груди. – Так что, дядя Виктор, будете выбирать подарок?

«Ну вот, все запарол, идиот» – пронеслась убийственная мысль. Стыдливо понурившись, я схватил какую-то первую попавшуюся гоночную машинку, буркнул: «Спасибо», и спешно, не оглядываясь, потопал к кассе. Ну, надо же было так, а? Расплатился, вышел на улицу. Отдышался. По-

медлил минуту, и в каком-то удивительном озарении резко повернул обратно в супермаркет. Я знал, что сказать. Срабатало – вышел вскоре, сияя улыбкой всему миру, с новым номером в записной книжке телефона.

Нам определенно повезло с погодой – вечер выдался теплым, ясным и безветренным. Закатное солнце одаривало последними лучами отдыхающий город. Я спешил на свидание с Машей в каком-то необыкновенном воодушевлении, бережно придерживая букет, чтобы ненароком не растрепать хрупкие лилии.

Настрой портило небольшое волнение – все же первый «выход в свет» за долгие месяцы. Но я все же настраивался, держался на позитиве. Ведь сохранились же кое-какие навыки обаяния и харизмы. Так значит взять и сделать. Быть собой, и все. Это ведь срабатывало с другими. Ну и пусть, что эффективность подкатов не стопроцентная, но в целом ведь статистика очень даже хорошая. Так, соберись! А, вот и она.

Маша ждала меня в условленном месте на набережной. Она сидела на лавочке, самой ближней к парапету, и спокойно смотрела на реку. Закатные солнечные лучи освещали багровыми отсветами бледное веснушчатое лицо. Она

улыбалась чему-то в своих мыслях – легко так, по-доброму. Очень надеялся, что именно я все же присутствовал в этих мыслях.

Подошел, чересчур резко протянул букет на вытянутой руке. Она благодарно кивнула и поцеловала в щеку. Я жестом предложил прогуляться немного, а потом уединиться где-нибудь за чашкой чая. Пока мы шли вдоль набережной, она решила рассказать смешной случай, случившийся сегодня на работе: пятилетний шkodливый пацан, пока папа отвлекся на выбор конструкторов, забежал в отдел мягких игрушек, где оторвал голову большому плюшевому медведю, натянул себе на макушку и так носился по всему магазину. Я смеялся, кивал в нужных местах и не перебивал.

– Чем занимаешься? – спросила Маша, когда мы расположились в кафе и сделали заказ.

– Я аналитик в одной небольшой компании, – ответил я несколько смущенно. Ей богу, почему же мне всегда так неудобно при рассказах о работе. Хотелось добавить чего-то более весомого, и я продолжил: – Но скоро ожидаю повышения до старшего аналитика. Очень важный карьерный шаг.

– Понятно, – спокойно подытожила она и повернулась

влево, чересчур откровенно разглядывая влюбленную парочку за соседним столиком. Ребята, совсем молоденькие, не могли оторваться друг от друга, просто держа друг друга за руки, глаза в глаза, над давно остывшим чаем.

– А ты? – я попытался привлечь ее внимание. – Думаешь и дальше работать в торговле?

– Нет, конечно, – равнодушно ответила Маша, не оборачиваясь. – Может, когда-то найду работу по диплому.

– И кто ты по диплому?

– Юрист, но нормальных вакансий сейчас нет, – она все же оторвалась от созерцания юных романтиков, но полезла копаться в смартфоне. – Извини, важная смс, нужно ответить.

– Ничего, я тоже должен кое-кому позвонить, вернусь через пять минут, – пожал плечами, схватил телефон и вышел на крыльцо. Никому я не звонил, надо было убить хоть пять минут времени за сигаретой. А лучше за двумя подряд – пусть якобы «разговор» будет долгим и очень важным.

Дальше, как я и ожидал, диалог наш продвигался мучительно и с большим скрипом. Поэтому, когда я спустя час

проводил Машу до остановки, ждал с нетерпением, когда она сядет в нужный автобус. Но все же при прощании мы поцеловались, едва коснувшись холодными губами. И дежурно, как всегда бывает в таких случаях, договорились еще созвониться, чтобы в итоге забыть о существовании друг друга уже на следующий день.

Она была простой, доброй, красивой, обаятельной. Но не моей. Сердце не екнуло. Чуда не случилось. Как и в ее сердце не зажглась та самая важная лампочка взаимного притяжения – это я осознавал с полной уверенностью. Мы просто не совпали. Никакой обиды или сильного разочарования. Просто такова жизнь. Счастья и удачи, поехали дальше.

Милую девочку Лену я нашел наугад на каком-то очень популярном и крутом сайте знакомств. Ссылку на страницу регистрации мне упорно продвигал один хороший друг, едва я появлялся с неизменной вселенской печалью на лице, когда мы собирались за парой кружек пива в баре.

Я до последнего держал стоическую оборону, искренне полагая, мол, сам могу справиться, без подобных виртуальных «помощников». Да и можно ли там найти хоть одну до-

стойную кандидатуру? Но неудача с Машей все же немного поколебала и без того шаткую уверенность в себе. И я сдался: загрузил лучшее фото, въедливо и подробно заполнил анкету, и стал ждать шквала предложений.

Но прошло три дня, а волшебство не происходило. Мою страницу посещали крайне вяло, а сообщений и вовсе не было ни одного. Конечно, надо бы и самому кого-нибудь написать. Но на девушек, подходящих под мои довольно размытые критерии выбора, поголовно ассоциировались со словом «слишком». Одна слишком размалеванная, другая слишком дует губы на фото, у третьей – слишком откровенные снимки, пятая, десятая... И так далее, и тому подобное. Одни сплошные «слишком».

И вот, кажется, на пятый день, я всем нутром почувал, что на одну девушку стоит обратить внимание. Пусть у нее всего одно фото в профайле, но какое, ух! А предпочтения, а интересы – один другого краше. Да, с ней определенно стоит пообщаться. А вот что написать, чтоб наверняка? Долго думал. И, пока мандраж не захватил меня целиком, все настроил самый удачный вариант на тот момент: «Привет, неподражаемый взгляд. Это какая-то магия?».

Она ответила довольно быстро и также небанально. Завязалась оживленная переписка. Все было как надо: я не ожи-

данно для себя самого предстал благородным принцем, неподражаемым шутником, обаятельным собеседником – только в текстовом исполнении. Надо признать, что эти качества все же прорываются наружу, когда надо, и производят нужный эффект.

Наша взаимная симпатия разрасталась вширь и вглубь. Но только на третий день переписки я решился пригласить Лену на кофе. Когда она согласилась, я несколько минут приплясывал, сидя на стуле у компьютера. Что ж, вдруг повезет на этот раз? Ведь все пока складывается как никогда удачно.

И вот, вечер первого свидания. Приоделся понаряднее, занял столик, жду. Пять, десять, двадцать минут. Когда часы отбили полчаса с оговоренного времени, я раздраженно привстал, уже готовясь уйти. И тут в дверях появилась она... Выющиеся черные волосы обрамляли бледное луноподобное лицо. Строгое синее платье идеально облегло точеную фигуру. От нее веяло страстью и неуловимо манящим парфюмом. Лена тоже сразу разглядела меня в переполненной кофейне и решительно направилась к столику, широко улыбаясь.

– Я, если честно, ожидал увидеть бородатого мужика за твоей аватаркой, уж слишком ты показалась нереальной, – сразу выдал ей лобовой комплимент. Долго придумыв-

вал, признаюсь.

Я бы понял, если она недоуменно проигнорировала эту кривую фразу. Но Лена в моем воображении уже представлялась девушкой нетипичной, и это чутье не подвело: она рассмеялась в ответ – легко и звонко. Мы очень мило и живо пообщались, не заметив, как пролетели три часа. Уже под ночь я посадил ее на такси, расставшись долгим жарким поцелуем.

Эйфория переполняла сердце. Но на следующий день мои сообщения почему-то оставались без ответа. И на следующий, и на следующий. Я не понимал происходящей перемены. И она все же прояснила причины молчания, но только под вечер третьего дня, когда я был готов лезть на стену от тоски и обиды.

Ее короткое: «Спасибо за все, но я переезжаю в другой город послезавтра» я принял на удивление хладнокровно. Только чуть позже боль утраты, не слишком сильная, накрыла меня на всего пару дней, да так же быстро и схлынула. А после нескольких довольно вялых переписок со случайными глупыми и заурядными девицами я с легким сердцем навсегда удалил свой профиль с сайта.

– Все, нафиг кого-то искать, – я сплюнул от досады. – Одни сплошные расстройствa с этими знакомствами.

– Зря ты так, наверное, – мотнул головой Миша. – Может время еще не пришло.

– И твой этот сайт хваленый, полная фигня, – резко ответил я, большим глотком опорожняя вторую кружку темного пива. – Ни одной нормальной не попалось.

– Так ты бы поискал повнимательнее, – Миша пожал плечами.

– Да куда уж внимательнее, – вздох горького разочарования вырвался из груди совершенно инстинктивно. Хорошо хоть не стал при всех в баре картинно воздевать руки к небу. – Где же мне искать свой подарок Вселенной? Где она ходит? И пересечемся ли мы вообще в этой жизни? Энтузиазм-то гаснет, понимаешь.

– Ты бы лучше так не напрягался, – мирно подытожил Миша. – Встретишь еще ту самую, куда она денется. Еще по пивку?

Я молча кивнул. Пока друг отлучился к барной стойке за добавкой, в кармане пикнуло – новое сообщение. Один очень старый приятель, знакомый еще с универа странный хипповатый паренек, кинул мне приглашение на невнятный литературный вечер. Странно. Кажется, он пару лет вообще на связь не выходил, совсем потерялся на своих чудаковатых творческих коммунах и перформансах. Я, было, собрался нажать на отмену, но, чуть помедлив, все же принял приглашение. Загляну, почему бы и нет? Хоть какое-то разнообразие в моей летящей под откос жизни.

Глава 5

Гравитация

Когда ты ощущаешь стопроцентное совпадение с кем-то еще малознакомым, первая реакция – что-то тут не так, где-то здесь кроется подвох. Ну не может быть все так идеально! Не бывает так правильно, красиво и всеохватно. Сказка какая-то! Но это трусливое ощущение чаще всего мимолетно. Ведь сказка на то и сказка, что изначально лишена связи с реальностью.

Другое дело, когда сказка превращается в чудо, волшебство – а это уже совсем другая история! Ведь чудо, несмотря на кажущуюся нереальность, может сбываться даже в нашем извращенном мире. И когда происходит этот фазовый переход, ты полностью доверяешься возникшему импульсу, этой пульсирующей точке в эфире, и уверенно летишь ей навстречу.

Этот сигнал – как путеводный знак, прорывающийся сквозь помехи пустопорожних разговоров, одноразовых связей, случайных встреч и посторонних людей, лишь по недоразумению забредших в твою жизнь. Все это ничего незначащее прошлое вдруг обретает выпуклость и материализу-

ется в сотни демонических сущностей.

Они наперебой шумят, галдят на разные лады, сбивая тебя с курса. Они питаются твоей растерянностью. Но теперь у тебя есть силы обогнуть эту толпу. Ведь этот спасительный импульс – он все ближе, все четче, все разборчивее. Теперь он задает курс всей твоей жизни и, кажется, сам уверенно приближается встречным курсом. Порой даже не подозревая этого.

Когда теряешь веру в хэппи-энд, судьба может подкинуть символическую встречу с девушкой по имени Вера. Я сразу уловил ее сигнал, с самой первого пересечения взглядами в том странном полутемном кафе. В тесном зале, заставленном, где только возможно, несуразными столиками, набилось много народа, явно больше положенного по пожарным нормам. На литературный вечер здесь собралась самая разношерстная публика: бледные тощие парни с горящим взором и разгильдяйской одежде, девушки в цветастых, и не очень, платьях и с тенью шекспировкой печали на лице – творческий контингент, в общем.

Я на их фоне смотрелся белой вороной в своем разгильдяйском полуспортивном виде. Второй роковой ошибкой

стал заказ холодного кофе в местном баре. Чуть перевозбужденный молодой бармен с хилой козлиной бородкой почему-то подал мне напиток в тяжелом стеклянном бокале на длинной ножке. Так я и стоял у всех на виду, поглощая странный терпкий напиток, нацепив самое каменное выражение лица. Что, как казалось, буквально с головой выдавало мою полную неуместность на вечере.

Веру я выхватил резким фокусом периферийного зрения на другом конце зала. Смутно знакомое лицо, ну где-то определенно виделось мельком. Пригляделся внимательней – и понял, что попал. Когда наши взгляды скрестились, волна тепла пробежала по позвоночнику. Лица окружающих смазались, слились с окружающей обстановкой. И в этой побледневшей толпе, она, как святая Мадонна и ее силуэт, словно подсвечиваемый изнутри. Сигнал был пойман – четкий и недвусмысленный.

Не знаю, что думала она о забавном молодом человеке, который с серьезным видом продирался к ней, не отрывая глаз, сквозь толпу в толстовке с капюшоном и кедах, по-пижонски держа перед собой бокал с кофе. Но... разговор завязался сам с собой. Без каких-то усилий и вымученных фраз. Редкие переглядывания, смешки, реплики – все это казалось таким уместным, правильным и... достаточным, что ли.

Но вечер подходил к концу, и мы из камерной обстановки бара метеоритным рывком выстреливаем собой в теплый майский вечер. Холодает, но я распахиваю кофту и отдаюсь этому свежему воздуху, вбирая в себя освежающую городскую прохладу. Короткие проводы до остановки, еще несколько коротких минут общения – и она исчезает внутри прибывшего автобуса. Я провожаю его взглядом и приземляюсь на лавку, пытаюсь осмыслить – что же такое неясное и согревающее вспыхивает сейчас в груди, искрит, разгорается.

Да, все сходилось – именно ее ждал я так долго. К ней шел через зимы и весны, через трудности и преграды, победы и неудачи всей предшествующей жизни. Мы успели обменяться контактами, и с каждым днем наших виртуальных разговоров огонь взаимной страсти разгорался все сильнее. Это был безостановочный телемарафон. Мы говорили, говорили, говорили...

Обо всем на свете: что видим и чувствуем, каким представляем себе будущее, какое прошлое довлеет над нами, на какие жизненные ориентиры опираемся и прочее, и прочее... Она что-то пишет, а я со всей ясностью представляю, как звучит ее голос, произнося написанное. Каждый звук, интонацию, движение губ. Улыбку. Да, улыбку особенно.

Тогда, в те несколько дней, что мы не могли увидаться лично, у нас обоих нарастало жгучее, невыразимое желание в этих взаимных личных откровениях наверстать что-то очень важное и неуловимое. Будто мы старались утрамбовать в столь короткие сроки все долгие годы прежней жизни, что мы по недоразумению провели порознь, не зная друг о друге. Иначе эту магию безоговорочного доверия и притяжения не объяснить.

Это стремительное движение навстречу не хотелось описывать иначе, нежели вселенскими происками. И та планета, на которой нам только предстояло встретиться и сойтись окончательно, еще была окутана клубами пара и раскаленной лавы, еще только формируясь и готовясь к зарождению жизни. Но, постепенно остывая и принимая земную форму, этот новый космический шарик все больше притягивал к себе, и сигнализировала – здесь можно и нужно поселиться. Гравитация нарастала, посылая устойчивый сигнал в космос. И я летел к нему на полной скорости, не боясь разбиться.

Наверное, поэтому мы неосознанно выбрали фильм для первого свидания на космическую тематику. И пусть это был какой-то странный европейский артхаус, плевать. Такой выбор сразу показался нам обоим вполне себе разумным, правильным решением. День, предшествующий встрече я провел в каком-то неземном полете. Ничто не выбивало

из колеи, улыбка не сползала с лица, и все окружающее светилось каким-то неземным светом. Думаю, именно так выглядит полная гармония с миром и самим собой.

Я знал, что она чувствует то же самое – между нами образовался канал обмена энергиями. Она светится – и я ощущаю тепло. Она смеется – и я улыбаюсь. Мир обрел краски в ее глазах. Я отдаю это счастье в пространство, зная – она получит нужный сигнал. И такой светообмен повторялся на повторе, снова и снова. Чудо, волшебство, магия – не знаю. Скорее все одновременно сходилось в одной точке.

И вот он – долгожданный вечер, к которому мы мысленно шли всю прошедшую неделю. А может и целую прошлую жизнь и сотни прежних реинкарнаций. Я влетаю в фойе кинотеатра в большой спешке, боясь опоздать. И вот она – такая невероятно красивая, лучистая и спокойная. От нее веет нежностью и добротой. От нее веет искренностью. Первое касание рук. Разряд. Еще разряд. Вот он – источник сигнала. Я долетел.

Так начиналось наше большое любовное приключение. Бессловным переплетением рук в темном зале кинотеатра. Касанием пальцев, таких мягких и жарких – идеальное сочетание. И неосознанным сплетением губ – таким долгим, что перестаешь следить за сюжетом на экране. А там – что-

то про космос. И внутри нас – космос. А впереди еще целый вечер вместе. А кажется, что и целая жизнь...

Глава 6

Под облаками

А дальше – завертелось. Да с такой скоростью, что хотелось щипать себя беспрестанно – уж не сон ли это?! Полное погружение без желания всплывать на поверхность этой серой и скучной реальности. Ты – на вершине мира, когда она рядом. Покой в душе, свежесть мыслей, легкость движений. Как вся мелочная бытовая рутина может соперничать с такими ощущениями?

Но так уж получается, что рассказывать о хорошем не в пример тяжелее, чем о плохом. По строгому размышлению, живой рассказ о том, как тебе прекрасно, вполне могут проигнорировать, не удостоив ему почти никакого внимания. Кому, в самом деле, хочется выслушивать в подробностях, почему ты такой радостный и счастливый? Это скучно. А бывает и того хуже, когда еще и завидно становится. Или даже ненавистно, если у слушателя в жизни все совсем не радужно. Так и сглазить могут.

Вот рассказ о том, что трагичного случилось в твоей судьбе – это всегда пожалуйста, в мельчайших кровавых подробностях и с большим интересом. Потому что несчастье – оно

действительно глубоко индивидуальное. А счастье – оно такое, типовое, что ли. И не достает богатого словарного запаса, чтобы выразить свое счастье как-то нетипично. Вот и веет от всех этих людских любовей, счастья и радостей обычно такой штампованностью и шаблонностью.

Но наше с ней счастье никогда не казалось мне шаблонным. Конечно, внешне он напоминал стандартный набор-конструктор «Любовь с первого взгляда». В наличии: романтические гуляния под луной, держание за руки, поцелуи-объятия, гляделки друг другу в глаза и прочие милые банальности. Но на глубинном, только нам видимом уровне это было ни с чем и ни с кем несравнимое чувство и настоящее притяжение – такое же уникальное, как отпечаток пальца.

По прошествии некоторого времени какой-либо отрезок жизни, проведенный с любимым человеком, уже не выглядит цельной дорогой, которую ты помнишь в мельчайших деталях. Он дробится на отдельные эпизоды – яркие, как свет полуденного солнца. И эмоционально насыщенные только тем, что в них сам вкладываешь и сохраняешь на задворках памяти.

Эта память хранится в погребе, наподобие винного, где запечатаны особо ценные бутылки лучших сортов. Иногда

тянет спуститься сюда с ревизией. Вновь ощутить каждой порой кожи тот непередаваемый настоянный годами букет ароматов и ощущений. Сюда нужно ступать осторожно, стараясь ненароком не зацепить полку с особо травмирующими эпизодами жизни. Что ж, спустимся и посмотрим, что там сохранилось...

Наше первое свидание. После того чудесного киносеанса мы срываемся на последнем троллейбусе на другой конец города. Полупустое кафе. Время – около полуночи. Я возвращаюсь из уборной, а она сосредоточенно крутит розочки из разноцветных салфеток.

– Тебе нравится? – спрашивает, счастливо улыбаясь. И протягивает мне.

Мне безумно нравится. Я киваю и с гордостью закрепляю белую бумажную розочку на кармане рубашки, чтобы бутон был виден.

– Но одной мало. Хочется еще, – отвечаю.

Она скручивает еще две – желтую и синюю. Бережно, чтобы не растрепать, прячу их в карман. Мы держимся за руки

и молчим. Не нужны слова.

Кафе закрывается. Впереди – целый ночной город, такой же необъятный, как переполняющие нас чувства. Пока она надевает пальто, проскакиваю до цветочного. Жду у выхода, руки за спиной. Взмах – и дарю ей ответные розы. Живые, настоящие. Объятия. Такие надежные и веющие взаимной теплотой.

– Куда мы идем? – спрашивает она.

– В лучшее место для танцев, – отшучиваюсь я и продолжаю тянуть за собой.

Мы рассекаем ночной город уже несчетное количество часов. Кажется, было уже около четырех часов утра, но этот волшеббно начавшийся вечер и не думает заканчиваться. Все это для нас было уместно и правильно, как бы безумно не выглядело со стороны. Да и что нам эти взгляды остальных, когда нужен и важен лишь ее влюбленный и восторженный взгляд.

– Вот и пришли, – останавливаюсь на слабо освещенной обширной площадке перед театром. Тихо, спокойно, ни души – лишь мы под звездным небом.

Она ежится от холода, я согреваю в объятиях. Наши движения медленно перерастают в танец. Не в силах больше сдерживаться, мы бросаем сумки на парапет. И уходим в кружение. И раз, два, три... Раз, два, три... Кажется, нам аккомпанирует сама природа – шелестом листвы, порывами ветра, эхом шагов, мелодичным звоном звезд над головой. И мы – как самая чудесная часть этой Вселенской мелодии. Даже больше: мы сами – Вселенная.

На первых же выходных мы махнули на пикник за город. С рюкзаками, термосом с чаем и бутербродами. Нам благоволит ясный теплый день – такой же солнечный, как наши чувства. На берегу реки находим укромное место на каменистом пляже и обнимаемся, подставляя лица ярким лучам. Болтаем о всяком. О том, что мы любим или не любим. Что приемлем или не приемлем. И греемся – летней погодой и друг другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.